

Дирижерская живопись

Нелли Гордон

Мудрость Юрия Башмета в том, что при всех своих регалиях и, несомненно, высоких заслугах как солирующего альтиста и дирижера он продолжает восходящее движение в музыке через пропаганду больших, ныне живущих композиторов и через предъявление миру совсем молодых, талантливых исполнителей. Свидетельство тому — недавний музыкальный вечер в Большом зале консерватории.

Не так часто на сцену консерватории поднимается композитор после премьеры своего произведения. Эти выходы по пальцам можно пересчитать начиная с того момента, как к краешку сцены, не желая из-за болезни подниматься по ступеням, подходил еще Дмитрий Шостакович. На прошлом концерте слуша-

тели несколько раз вызывали Гию Канчели — автора литургии «Оплаканный ветром» для альтя и симфонического оркестра.

Башмет поступил нетрадиционно, дав сначала сравнительно редкие произведения Романа Леденева и Гии Канчели, а завершив Первым фортепианным концертом Прокофьева с его же второй сюитой из балета «Ромео и Джульетта». Но по факту оказалось, что вечер был построен в высшей степени грамотно.

Хотя лично у меня оставил вопрос дирижерский подход к «Оплаканному ветром». Одно дело, что, как бы предполагается, внимание зрителя должно быть сосредоточено на альтисте. Но альт альтом, однако мы слушаем не только Башмета, а произведение в целом, здесь более чем важна дирижерская интерпретация. Вот она-то (за пультом — Феликс Кругликов из США), на мой взгляд, разнилась с оригинальным

театрализованным духом Башмета и его подопечного оркестра «Новая Россия». Произведение сложное, опирающееся на несколько смысловых линий; Канчели говорит на языке простых образов, но в московской версии эти образы доходили в виде гипотез. Слово бы дирижер сам для себя не «разрешил» литургию, не обнаружил внутреннего родства с ней. А это и не просто: энергия четырех разных людей стоит за этой литургией (автор Канчели, посвящение Башмету, в память о музыковед Гиви Орджоникидзе, в названии строка из стихотворения Галактиона Табидзе). Трудная задача — понять каждого, а подать — себя.

Второе отделение из Прокофьева — это классика стиля Юрия Башмета. Зал буквально не отпускал немного стесняющегося совсем юного пианиста Мирослава Култышева после Первого концерта. Подлинно прокофьевский дух — легко и полновес-

Московской премьерой литургии Канчели, похоже, остался доволен. Фото Ольги Швейцер

но, авторски самостоятелно, широко и... быстро. Естественная виртуозность, и без жеманничанья. Сам Башмет — теперь в качестве дириже-

ра — был неподражаем, особенно в сюите, рисуя столь знакомые всем сцены шекспировской истории. Более того, в его дирижерской жи-

вописи иные слушатели улавливали образность конкретного балетмейстера, когда-либо ставившего «Ромео и Джульетту».